

Снегопад, длившийся несколько дней, наконец прекратился. Утром, закончив с завтраком, Вэй Цю и Чэн Шинань вместе вышли во двор расчищать снег...

Вэй Цю щурился на долгожданное солнце, и сердце его переполняла радость — наконец-то ясный день!

— Ши-гэ, давай в обед поедим хого?

— М-м? — Шинань еще не совсем понимал, что такое «хого», но послушно согласился: — Хорошо, как скажешь.

— Тогда я сейчас возьму пару косточек для бульона... — Вэй Цю довольно отложил метлу и убежал в дом доставать припасы на разморозку.

Шинань лишь беспомощно покачал головой и, подобрав брошенную метлу, пристроил её у стены.

В обед Вэй Цю наконец-то насладился блюдом, по которому так долго скучал. Пусть бульон был не острым, а прозрачным, зато наваристым — на больших костях, с добавлением свиного копытца, редьки, грибов и красных фиников.

Оставшуюся с прошлого раза оленину он нарезал тончайшими ломтиками: стоило на миг опустить их в кипяток, обмакнуть в соус из масла и чили — и получался невероятно насыщенный, острый и свежий вкус.

Вэй Цю ел так увлеченно, что на кончике носа выступили капельки пота. Шинань едва успевал подкладывать ему мясо, радуясь, что его гэр ест с таким аппетитом.

— Ши-гэ, да ты сам ешь! Я справлюсь! — Вэй Цю положил мужу в миску большой кусок свиного копытца.

Мясо томилось так долго, что стало нежнейшим — стоило коснуться палочками, как оно само отделялось от кости и буквально таяло во рту. Шинаню это блюдо тоже очень понравилось.

— Ши-гэ, в следующем году давай сами свинью заведем! — предложил Вэй Цю, глядя на копытце.

Шинань задумался: — Придется расширить двор, чтобы было где её держать...

Вэй Цю согласился: летом от свиней много запаха, лучше держать их подальше.

— Тогда расширим и заведем еще кого-нибудь.

— Хорошо, как пожелаешь.

После обеда Шинань вывел Вэй Цю прогуляться за ворота — они дошли до подножия задней горы проверить силки. В эти дни им иногда попадались мелкие зверьки, что было приятным дополнением к столу. Но сегодня удача отвернулась: силки стояли нетронутыми. Боясь, что Вэй Цю промочит ноги, Шинань вскоре увел его обратно.

Когда они подошли к дому, то увидели у ворот фигуру в ярко-красной фуфайке. Вэй Цю прищурился: лицо казалось знакомым, но он никак не мог вспомнить, кто это. Шинань же бросил на гостью холодный взгляд и, не меняясь в лице, крепче сжал руку Вэй Цю.

— Кто это? — шепнул Вэй Цю, глядя на мужа.

— Никто. Пустой человек, — коротко отрезал Шинань.

У ворот их ждала Цянь-ши. Она уже вся издрогла и втихомолку проклинала этих «выродков», которые не открывают ей дверь. Она уже собиралась уходить, когда увидела, как Шинань и Вэй Цю, держась за руки, возвращаются с горы.

— Ой! В такой холод дети не сидят дома, а бродят по горам? Смотрите, не застудитесь до смерти!

Вэй Цю поморщился от этого пронзительного голоса и фальшивого участия на лице тетки. Теперь он окончательно понял, кто перед ним.

— Дома есть нечего! Если не искать пропитание в лесу, прикажете с голоду помирать?

— Ты... — Цянь-ши аж поперхнулась.

Перед ней стояли двое с румяными лицами, в новеньких ватных фуфайках — и говорят, что есть нечего? За трехлетку его держит?

Но, вспомнив цель визита, она подавила раздражение и неестественно улыбнулась: — Ну что ты такое говоришь, деточка, как это — есть нечего?

Вэй Цю принялся вдохновенно врать: — Эх, тетушка, вы просто не знаете, как нам тяжело! Ноги моего мужа требуют дорогого лечения. После того как мы купили все лекарства, на зерно денег просто не осталось. А в лесу в последние дни шаром покати. Считайте, завтра уже последний кусок доедим.

Лицо Вэй Цю выражало такую скорбь и нищету, что улыбка Цянь-ши окончательно застыла.

Шинань не стал тратить на неё время.

— Иди в дом, — сказал он мужу. — Не мочи ноги.

Вэй Цю кивнул, понимая, что Шинань хочет избавить его от этого разговора, открыл калитку и вошел во двор.

Цянь-ши, завидев прибранный чистый двор, хотела было проскользнуть следом, но Шинань преградил ей путь, встав в дверях скалой.

— Что тебе нужно? — холодно спросил он.

Цянь-ши, оробев под его ледяным взглядом, снова натянула маску любезности: — Так завтра же твоей бабушке семьдесят лет исполняется! Старушка по тебе соскучилась, просит зайти.

— Соскучилась по мне? Ты сама-то веришь в эти сказки? — с сарказмом бросил Шинань.

— Ну что ты, сынок, всё еще сердишься? В прошлый раз отец повел себя неправильно, он уже раскаивается. Все мы одна семья, кровь — не водица, не будь таким упрямым и не копи обиду на родных.

— Довольно! Больше ни слова. Я не приду, — лицо Шинаня оставалось бесстрастным.

Подобных речей он наслушался сполна.

Вэй Цю, слушавший этот разговор из сений, едва не взвыл от возмущения — надо же, «не будь упрямым»!

Цянь-ши вздрогнула от резкости его тона, но продолжила заикаться: — Даже если мы разделили хозяйство, вы всё равно одна семья! Неужели тебе совсем плевать на отца и бабушку? Ты не боишься...

— Чего мне бояться? Кары небесной? — оборвал её Шинань. — Если небо хочет поразить меня громом — пусть делает это скорее, чтобы я не мучился здесь в одиночестве столько лет!

Услышав это, Вэй Цю в доме принялся суматошно шептать: «Тьфу-тьфу-тьфу! Господи, не слушай его! Мал еще, не соображает, что несет! Не считается!»

Раньше он в такое не верил, но после своего «переселения» стал суеверным.

Снаружи Цянь-ши то бледнела, то зеленела — Шинань был абсолютно непрошибаем.

Он смерил её ледяным взглядом: — Надеюсь, вы помните последнюю строчку договора? «Живыми ли, мертвыми — друг другу никто». Если не понимаете слов, я не побрезгую сходить в управу и разъяснить всё там.

Шинань с грохотом захлопнул калитку: — Больше не приходи.

Остолбеневшая Цянь-ши еще долго не могла прийти в себя, а потом разразилась площадной бранью в адрес закрытой двери.

Вэй Цю, услышав, как она проклинаяет Шинаня, схватил палку: «Ну, я сейчас этой мегере задам!» Он не собирался спускать такое с рук.

Шинань, увидев разгоряченного мужа, внезапно рассмеялся — вся его мрачность мигом испарилась.

Он подхватил Вэй Цю на руки: — Тише, тише! Не сердись! Она безумна, не стоит уподобляться ей.

— Ты слышал, как она тебя обзывала?! — Вэй Цю буквально кипел от злости.

Шинань погладил его по голове: — Пусть лает. От её слов у меня кусок мяса не отвалится.

Успокоив мужа, Шинань приоткрыл дверь и негромко, но угрожающе произнес в щель: — Если не уберешься прямо сейчас, я лично тебя «провожу».

Цянь-ши мгновенно смолкла. Огляделась — кругом ни души, холод пробрал до костей. С перепуганным видом, будто за ней черти гонятся, она припустила в сторону деревни.

Дома всё семейство Чэн в нетерпении ждало хороших новостей в главной комнате.

Увидев запыхавшуюся и злоую невестку, старуха Чэн первой подала голос: — Ну что? Придет этот выродок завтра? Сказала ему, чтобы стол накрыл не хуже, чем у семьи Цянь?

Цянь-ши, задыхаясь от злобы, выпалила: — Какой там «накрыл»? Сказал — знать нас не хочет и велел больше не соваться.

Старуха в ярости хлопнула по столу: — Да как он смеет! Совсем страх потерял, мерзавец!

— Второй, а ну иди к нему! Пусть только попробует не прийти! Неблагодарная скотина... Весь в ту свою короткоживущую мать.

Старуха Чэн привыкла, что все пляшут под её дудку. Пока был жив старший сын, Шидун, она безбожно эксплуатировала его семью.

Чэн Пингуй тоже кипел от гнева, но идти к Шинаню трусил — он мог только помыкать женой. Всю жизнь прожил под каблуком у матери и теперь, как и его сыновья, был героем только в стенах собственного дома.

— Матушка, а рецепт? — Гуанцзуна не волновал праздник, его заботили только деньги.

Цянь-ши охнула — про рецепт она в пылу перепалки с Вэй Цю и Шинанем совсем забыла. Увидев лицо матери, Гуанцзун понял, что дело дрянь, и с хмурым видом ушел к себе.

Цянь-ши виновато посмотрела на сына, хотела пойти следом, но под тяжелым взглядом свекрови осталась на месте.

— Пингуй, чего расселся? Живо иди и приведи этого негодника! Иначе мне завтра перед всей деревней будет стыдно показаться.

Чэн Пингуй лишь беспомощно развел руками: — Матушка, договор о разделе имущества писал староста, а в управе его уже заверили. Теперь мы ему чужие люди.

— Какое еще «чужие»?! Ты его отец! Если ты скажешь — он не посмеет послушаться! — взвизгнула старуха.

Цянь-ши поддакнула: — И то верно, вы же родная кровь.

Чэн Пингуй рявкнул на жену: — Заткнись!

От криков двух женщин у него разболелась голова, и он просто ушел в свою комнату отлежаться. Оставшись вдвоем, старуха начала голосить на весь дом, проклиная небо, неблагодарных детей и мужа, который не забрал её с собой на тот свет.

Цянь-ши, не зная, что делать, отправилась к третьему брату, просить их с женой прийти на помощь.

<http://bllate.org/book/17091/1600258>